

**Коллоквиум Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте на тему
«Измерение результатов общественного развития: к
постановке проблемы». Стенограмма
(03.01.2021 г.)**

Участники:

С.Д. Бодрунов – директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, эксперт РАН, д.э.н., профессор;

А.В. Бузгалин – руководитель Центра социэкономике кафедры политической экономии МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Московского отделения ИНИР им. С.Ю. Витте, заслуженный деятель высшего образования Российской Федерации, д.э.н., профессор.

Александр Владимирович Бузгалин (АВБ). Проблема измерения результатов социально-экономического развития имеет долгую историю. В XX веке, особенно во второй его половине, типичным стал акцент на оценке результатов развития стран по объему валового внутреннего продукта (ВВП) в абсолютной величине или на душу населения. Но новый век ознаменовался началом глубоких трансформаций, которые поставили под сомнение универсальность этого измерителя, о чем вот уже не первое десятилетие идет, по сути дела, всемирная дискуссия. Вы уже не раз выступали с критикой этого показателя. Я думаю, будет правильно, если Вы подробнее остановитесь на этом вопросе.

Сергей Дмитриевич Бодрунов (СДБ). Да, я думаю, можно дополнительно прокомментировать то, что я уже писал ранее о ВВП.

Давайте посмотрим, что на самом деле происходит с ВВП.

Итак, у нас есть валовой внутренний продукт. Мы произвели некий продукт, посчитали все, что мы произвели. Фактически же мы посчитали то, что уже неоднократно было произведено, перепроизведено в процессе работы в какой-то период времени. То есть так мы получили годовой валовой объем этой всей

продукции. Почему плохо так считать? Если мы вспомним так называемую «догму Смита», то, Вы же помните, там все считалось по 2 раза, по 3 раза, по 5 раз и так далее, в результате общий продукт включал в себя в том числе и то, что было произведено до того. Фактически – это то, что в советское время обозначалось как «вал». Сегодня нечто сходное (хотя и с несколько иной, основанной на системе национальных счетов, методикой) представляет собой ВВП.

Более того, если вдуматься и пристальнее посмотреть, мы увидим, что в ВВП включено два абсолютно разных аспекта.

Один связан с тем, что производится некий фактический, назовем его так, продукт, пусть даже он предназначен для удовлетворения симулятивных потребностей.

С другой стороны, в ВВП включено и кое-что иное – все что угодно: любые финансовые транзакции, выпуск облигаций каких-нибудь, продажа их, и пр., – все это тоже включается в ВВП. Таким образом, получается, что в определенных случаях роста реального/фактического продукта нет, но ВВП, тем не менее, растет. То есть, для того чтобы нарастить ВВП, мы можем не производить, а переливать из пустого в порожнее и за это платить, в результате воды в стакане не прибавилось, а ВВП вырос.

В этом плане показатель ВВП абсолютно не годится для того, чтобы измерять результаты экономики (поскольку экономика – это механизм, способ удовлетворения потребностей людей!), потому что удовлетворение потребности может снижаться, а ВВП – расти и наоборот (мы такие примеры приводили). Поэтому когда мы говорим о том, что нам надо обеспечить измерение развития общества, причем развития в сторону удовлетворения потребностей, когда мы говорим о социализации общества, о его гуманизации, об ориентации на расширение удовлетворения реальных потребностей социума и индивидов, то мы должны искать иные, нежели ВВП, измерители.

В самом деле, будет ли социализация выше, если будет выше ВВП? Удовлетворим ли мы в большей степени потребности людей? Будет ли людям лучше?

На самом деле, если мы будем придерживаться старого подхода, когда мы подсчитываем ВВП, то получим лишь очень косвенное отражение степени удовлетворения потребностей. Как

в кривом зеркале. И чем дальше, чем хрестоматичнее, симулятивнее становится современная экономика, тем больше.

Здесь полезно обратиться к Марксу, его известной формуле стоимости:

$$(W = C + V + M).$$

Условно говоря, Ваш постоянный капитал C – это первый Ваш капитал на бирже. Потом вы наняли на работу биржевого агента, заплатив ему за его работу (это Ваш переменный капитал, V), и получили некую прибыль (обозначим ее M , хотя это и не прибавочная стоимость в классическом ее виде). Оборот в день – 10 раз. Масса прибыли, которую Вы получите при успешной торговле на бирже, – колоссальная, ВВП растет. Кто получил какой продукт? Никто никакого продукта не получил, но при этом, если мы используем такие измерители, то мы *как бы* и социализацию общества развиваем, и жизнь у нас лучше становится, и так далее.

На самом деле – это, наоборот, усиливает рост таких проблем, как социальное неравенство, обнищание и прочих подобных негативных трендов. Потому что отвлекаются реальные средства из производственного, промышленного, индустриального (реального) сектора экономики – и переносятся в фиктивный, потому что там прибыль выше. Поэтому использовать ВВП, даже исходя из этих соображений, в качестве некоего показателя результатов развития, роста социализации общества через увеличение удовлетворения потребностей людей, – это неправильно.

Те же вопросы возникают, когда мы говорим о темпах роста. То есть увеличение посчитанного подобным образом темпа экономического роста может происходить за счет убывания эффективной части ВВП.

Это – известные феномены. ВВП критиковался неоднократно и многими, даже нобелевскими лауреатами. Тем не менее на сегодняшний день мы являемся свидетелями использования на практике именно этого неправильного подхода, мы все меряем в ВВП, мы меряем развитие темпами экономического роста, мы говорим об увеличении или падении темпов роста (или вообще спаде) экономики, но мы не говорим о развитии.

То же касается инвестиций. Так, академик А.Г. Аганбегян говорит, что без инвестиций нет роста экономики. Конечно, он

прав. Только – какого роста? Но далее он говорит, что нужно инвестировать в инфраструктуру, в производство. Правильно, это надо делать, инвестиции надо направлять именно туда. Если реально инвестировать в эти сферы, то мы, по крайней мере – опосредованно, можем увидеть удовлетворение реальных потребностей людей. Хотя, с другой стороны, тоже не очень понятно, что такое «инвестировать в инфраструктуру». Необходимо пояснение. Если мы выпускаем облигации какие-нибудь, на них делаем акции, на акции еще что-то, некие дериваты, направляем на это деньги и говорим, что мы инвестируем в железную дорогу, то тут еще вопрос: мы инвестируем реально в железную дорогу или все-таки в финансовые спекуляции? Это еще большой вопрос, какая доля инвестиций пойдет на реальное развитие инфраструктуры. Особенно в контексте нынешней «сброндившей» экономики, в которой присутствует колоссальный симулятивно-спекулятивный сектор.

То есть тут, опять же, мерять впрямую этими показателями нельзя, это неправильно. Мне некоторые экономикс-эксперты в Вольном экономическом обществе пишут формальные записки, что если мы проинвестируем, условно говоря, больше на 5% инфраструктуру России, то будет некий дополнительный экономический рост (есть разные количественные оценки). Но очень редко при этом задаются вопросом, который я еще раз повторяю: даст ли это реальный продукт в конце концов потребителю? В условиях нынешней нашей (да и не только нашей!) экономики? Мы можем инвестировать в создание «железной дороги», которая ведет в никуда.

АВБ. Да, это правда.

СДБ. Мы можем построить самолет, который не будет летать, но его все равно учтем в ВВП. Или не пригодное для перевозки полезных грузов судно – зато мы будем везде в мире говорить, что мы произвели лучший в мире подводный корабль, который летает выше всех и при этом стреляет неизвестно куда и зачем (помните старую шутку о «подводной лодке в степях Украины»?). И – учтём в нашем ВВП! Но при этом реального продукта для реального человека нет. Мы понимаем, что какая-то доля расходов должна идти на эти вещи, это важно для страны, спору нет, но это не должно учитываться в составе измерителя, по которому мы пытаемся замерять достигнутые успехи в улучшении жизни населения. Между тем у нас в ВВП вкладывается и производство такого

рода изделий. Если мы, допустим, скажем: «Давайте затянем пояс» и будем, например, строить башню до небес, потому что она защитит нас от «лапутянской» экспансии (назовем это так, следуя Свифту), или какой-нибудь другой экспансии, экспансии инопланетян, то будет ли у нас в этом случае больше хлеба, яблок, штанов или книжек, научных исследований, или чего-то еще реально потребного такого? Не будет больше. Более того, может быть – и меньше, но ВВП при этом будет расти, темпы будут наращиваться.

Продолжим. Рассмотрим наиболее актуальные в настоящее время проблемы, вызванные или обострившиеся пандемией. Пандемия привела к снижению ВВП по всему миру (ну разве что – за исключением Китая, но и там его рост резко замедлился). Все говорят: «Трагедия, снижение ВВП, бедность растет», а я говорю: «Посмотрите, ребята, какая структура этого падения». Например, услуги, которые оказались нужны людям (стали удовлетворять их потребности!) во время пандемии, выросли в десятки раз. А ненужные – отвалились. Нанося, кстати, ущерб их производителям и занятому в этих секторах населению. Потребитель проголосовал своими деньгами, спросом своим за то, что ему нужно в этих условиях. Общий ВВП упал, но упало ли «счастье» людей в этом конкретном аспекте? Может, и нет, а может – даже наоборот, потому что у них появились, к примеру, другие возможности учиться, Zoom какой-нибудь, выросло производство компьютерной техники, которая необходима для этого, сетей, программ и так далее. С точки зрения ВВП – падение, с точки зрения ухудшения качества жизни – да, оно произошло, возможно, в неких элементах, если мы привыкли к одному, а сейчас все иное. Но я прямо говорю: вот, к примеру, моя семья не особенно почувствовала какого-то снижения качества жизни (я не говорю об ощущениях, я говорю об экономических эффектах и последствиях), потому что как она могла есть конкретные продукты из магазина, так она и ест то же самое из того же самого магазина. А вот затрат денег и времени на всякие ненужные в этих условиях вещи, разные малонужные перемещения стало меньше, возможности онлайн-контактов возросли, за счет этой экономии и этих новых механизмов коммуникации стало возможным что-то дополнительно сделать или приобрести и т. д.

Более того, если ВЭО России тратило на конференции раньше по 5–10 миллионов рублей, то сейчас тратит 300–500 ты-

сяч, остальные деньги могут пойти на повышение доходов сотрудников, ремонт, приобретение необходимых для ВЭО вещей (которые нужно еще будет дополнительно кому-то произвести, обработать и др., что будет вкладом в реальную компоненту ВВП, а не в симулятивную). То есть в этом плане «ВВП ВЭО» (с точки зрения затрат) упал в разы, а «качество жизни» его существенно улучшилось. И заказы для подрядчиков в целом не уменьшились.

АВБ. Да, в этом что-то есть. Хотя у большинства людей в последний год качество жизни снизилось, и существенно.

СДБ. Это верно. Потому что есть, конечно, разные ситуации у людей, у компаний, особенно занятых в менее нужных отраслях, но именно поэтому их и невозможно «аршином общим» ВВП измерять.

Но вернемся к сути проблемы ВВП.

ВВП как способ подсчета удовлетворения потребностей, который мы сегодня используем, сформировался исторически примерно с середины XX века. Если вспомнить советское время, там были бурные споры, как мерять, что мерять, зачем мерять и так далее. Потом появился показатель, который все обозначали словом «вал», и это стало одним из факторов, приведших к трагедии Советского Союза, я считаю.

Трагедия состояла в том, что из применения такого способа учета вытекало много различных негативных последствий. Во-первых, в себестоимость продукции включался повторный счет, плюс заработная плата, плюс норма, которая отпускалась Госпланом на прибыль... Но в этом случае было выгодно получить подороже, а не подешевле продукцию на переработку, заплатить побольше денег, потратить больше материалов, электричества или чего-то еще такого, т. е. увеличить издержки по нормативам, по которым формировалась прибыль, из нее платили премии и все остальное, шло прямое стимулирование экономического роста за счет того, что затратность этого производства не снижалась, а росла. Рос «вал», цены росли, а стоимость, тем более потребительная стоимость, падала.

Это была проблема Советского Союза. В свое время (если я не ошибаюсь, в 1965 году) товарищ Косыгин пытался провести экономическую реформу. Почему он не смог провести ее? В стране ведь были экономисты, которые понимали опасность и вред валовых показателей, которые понимали, что это нужно изменить, что-

то надо в натуральных показателях считать, а что-то считать в рублях, но на основе реальных цен, а не раздувания себестоимости.

Но для использования плановой системы учета тогда не хватало технологических мощностей, не хватало техники, не хватало программ, которые позволяли бы очень быстро обсчитывать эти все вещи. Поэтому наше планирование было простым и строилось по принципу «от достигнутого». Отсюда – диспропорции в народном хозяйстве, а диспропорции такого рода ведут к разрушению системы. Внедрению передовых методов противостояло при этом мощное лобби, которое получало зарплаты – и государственные, и партийные руководители всех уровней, которые получали свои премии от того, что они знали, как увеличивать «вал» и наращивались проценты.

Приведу только один пример. Когда я был в советское время инструктором в партийном органе, мы как-то покритиковали руководство одного завода за то, что оно не сэкономило электроэнергию. Выяснили при проверке, что они целый месяц выпускали в ночную смену несколько человек и ставили станки на работу. Станки работали вхолостую, но потребляли электроэнергию, довольно дорогие материалы шли в отходы. Эта кажущаяся бессмысленной и, более того, вредной, операция проводилась потому, что в следующем году затраты, которые они понесли, попадут в цену, она вырастет, вырастет вал, премии и т. п. Когда мы задали вопрос директору завода: «На фига ты это делаешь? Ты же понимаешь, что это неправильно!», он ответил: «Во-первых, цены вырастут, объем произведенной продукции вырастет, и мы, и наши партийные начальники получим премии. Во-вторых, меня накажут, конечно, за то, что допустил перерасход электроэнергии, но убыток от наказания будет намного меньше, чем премия за рост вала».

Тогда мы не могли технологически решить эту проблему. И экономически не могли: рынка не было, а система учета не работала. Вы помните, что говорил товарищ Ленин? Социализм – это учет.

АВБ. Учет и контроль. Более того, мы в своих работах еще тогда, в СССР, писали, что планомерная организация производства начинается с всенародного учета и контроля.

СДБ. Он не имел в виду учет валовой, он имел в виду нормальный учет, учитывать реальный продукт, только тогда мы могли учитывать затраты, мы думать могли о том, что затраты – это и есть это самое C и это самое V . Тогда если прибыль нам не нужна была

как экономический механизм, стимул, она могла быть как-то нормирована, то прибыль можно считать постоянной величиной, а эти вещи снижались бы, если бы была экономия той же электроэнергии и других ресурсов. В результате – снижение цен, не инфляция, а дефляция, негатив которой можно было избегать и регулировать – не будем в это углубляться, сейчас не об этом речь. Это первое.

Второе. При этом удовлетворялись бы потребности людей, потому что зарплата оставалась бы такой же или чуть побольше, покупательная способность их росла бы, это было бы подстегивание спроса, который бы Госплан считал правильно, исходя из заработной платы и цен массового продукта. В результате Советский Союз мы бы сохранили.

Этот неверный показатель, неправильная политэкономическая платформа, неправильно понимаемый способ управления народным хозяйством привели к тому, что прекрасная идея, которая вполне сочетается с нооподходом, была стерилизована. А обвиняют социализм. Не социализм тут виноват был. Социализм был извращен – и в силу объективных, и в силу субъективных причин – до безобразия.

А что касается «вала», то как ни парадоксально, здесь был и элемент подражания Западу – догнать и перегнать Америку... по ВВП.

А Америку никогда не догонишь, потому что Америка пошла другим путем. В последние десятилетия США сделали гигантскую ошибку, они утратили свое лидерство, которое получили на 10-15 лет и стали гигантской империей и колоссальной страной. Они утратили это лидерство, потому что в этой стране началась деиндустриализация, а в экономике, в ВВП основные позиции стали занимать финансовый капитал, транзакции и так далее. Поэтому догнать *такую* Америку трудно.

АВБ. Я бы сказал, что догонять кого-то – все равно кого – по ВВП – это задача вчерашнего дня. Точнее, ложная задача, стремление к победе в соревновании, кто выпьет больше воды (Вы как-то справедливо напомнили, что если человек выпьет больше определенного объема воды, не помню точно, литров 8-10, за один раз, он умрет)...

СДБ. Вернемся к практикам США. Чтобы компенсировать падение внутреннего дохода, они скупали и печатали деньги и че-

рез Бреттон-Вудскую систему раздавали их по всему миру, скупали все, что можно скупить. Их производство в этом случае неизбежно должно было упасть, и оно (реальное производство) падало. В результате Америка за каких-нибудь 30 лет утратила многие свои позиции. Если ранее у них 30% людей работали в промышленности, давали реальный продукт, то в XXI веке стали работать 10-12%, и США ... стали зависеть от импорта. Некоторое время назад еще Б. Обама начал говорить о том, что Америке нужна реиндустриализация, что надо везти всё назад – оборудование, рабочих и т. п. с тем, чтобы уйти от дефицита торгового баланса, уйти от проблем с импортом, зависимости от поднимающихся стран.

В этой связи другой вопрос: а почему страны типа Китая в это же время поднимались? Потому что делали они реальную продукцию, удовлетворяющую реальные потребности и потому имеющие постоянный и высокий спрос, плюс при этом у них зарплата – V была маленькая, примерно сравнимая с мировыми ценами на экспортируемую продукцию прибыль, прибавочка – M, была повыше. И консолидировалась она целенаправленно в рамках понятной государственной политики в группе C. В результате, когда они через знания начинали повышать качество C, да и квалификацию труда, они через некоторое время освоили технологии, выкупили принадлежавшие ранее иностранцам либо создали новые производства и сейчас делают все сами. И прибыльность теперь могут устанавливать сами, владея высокочисленными C и V.

A в таком варианте ВВП будет расти быстрее едва ли не автоматически, что мы и наблюдаем, причем его структура будет качественно иной, более адекватно отражающей то, что хотели отражать, подозреваю, основоположники идеи внедрения этого показателя – уровень насыщения реальных потребностей.

Но об этом, о структуре ВВП, возможности адаптации этого показателя к оценке реальной ситуации с удовлетворением потребностей, к оценке доли и роли ноокомпонента в современной полухрестоматийной экономике и в перспективной экономике НИО.2 – в следующий раз.